

Отчет о работе секции **«ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» КАК ФЕНОМЕН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЭТИКА, АВТОРСКАЯ МИФОЛОГИЯ»** (Ведущая секции – д.ф.н., проф. Ковтун Наталья Вадимовна), вошедшей в программу форума [Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения](#), которые включают в себя целый ряд различных научных конференций, семинаров, круглых столов, книжных презентаций, а также культурно-просветительских мероприятий, они не только являются центральным форумом РХГА им. Ф.М. Достоевского, но и одним из ярких гуманитарных научных форумов Санкт-Петербурга.

**При финансовой поддержке гранта Российского научного фонда
№ 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>;
РХГА им. Ф. М. Достоевского**

Работа представленной секции была насыщенной, связанной с анализом поэтики *классического традиционализма, неотрадиционализма и «нового реализма»*.

В докладе Т. Загидулиной **«Из деревни в город: авиационный дискурс в детской литературе советской эпохи»** представлен анализ сюжета и образной системы детской повести К. Минаева «Летуны» (1926) через призму авиационного дискурса. Значимым элементом сюжетной конструкции является традиционная оппозиция – «город – деревня». Третье десятилетие XX века – эпоха строительства новой советской государственности, следовательно, неизбежным становится создание новой системы культурных координат: читатель видит аэроплан – символ прогресса – глазами деревенского жителя, для которого самолет подобен мифическому Чуду-Юду – хтоническому существу. Таким образом, деревня маркируется как пространство отсталости, невежественности, тогда как город, куда убегает главный герой – деревенский мальчик, явно подсвечен идеей прогресса, светлого будущего, особенно это подчеркивается положительно окрашенными описаниями завода и дома-коммуны. Самолет и летчик играют не последнюю роль – авиатор обретает функцию психопома, перевозя мальчика через границу миров, позволяя ему символически умереть в старом пространстве (деревне) и родиться в новом (Москве). Мортальные мотивы, появляющиеся в связи с образом деревни, свидетельствуют о формирующейся в 20-е новой концепции пространства.

В докладе А. Игнатъевой **«Спасительный “голос жены”. Повесть В. Распутина “Деньги для Марии”»** впервые представлен главный женский образ повести В. Распутина «Деньги для Марии» через призму мужского сознания, что позволяет детально проанализировать значимость и степень влияния женского начала на мужское в системе художника. Формирование данного образа в тексте «Деньги для Марии»

рассматривается в тесной связи с концептуальными образами ветра и снега. Выводы подкрепляются результатами текстологического анализа первой повести художника. Постигание глубинного смысла центрального женского образа раскрывает новые грани идейного смысла произведения автора, освещает духовно-нравственные проблемы современности и открывает пути их преодоления.

В докладе И. Митрофановой **«Фольклорный мотив горения/пожара в литературно-художественной традиции конца XX – начала XXI вв.»** речь шла об освоении повествовательной прозой народной песни «Отец мой был природный пахарь...», национально-культурная значимость которой подтверждается повсеместностью распространения вариантов. В.Г. Распутин включает слова песни как эпиграф в «Пожар» (1985), признанный самой публицистической повестью, тем акцентирует ее художественное начало: образная картина «Горит село, горит родное...» разрабатывается во всей ее чувственно воспринимаемой наглядности. Текстом усвоена лиро-эпическая структура песни. Протагонистом эпического сюжета выступает огонь. Опираясь на актуализирующийся в периоды войн песенный сюжет, писатель направляет внимание на поведение героя, чья субъектная сфера разработана как сфера лирического исполнителя народной песни, являющегося участником события. «Пожар» – авторский вариант народной песни – рассчитан на эффект хорового исполнения, в которое призвано включаться в процессе восприятия переживание каждого читателя

В выступлении А. Фроловой **«В. Шукшин в диалоге с XXI веком: современные театральные рецепции»** говорилось, что театральная рецепция – один из возможных путей актуализации классического искусства, возвращения его в современное пространство культуры. Игровой, художественный потенциал произведений В. Шукшина столь велик, что он вызывает живой интерес театра не только содержанием, сюжетами, яркими характерами, как было в первые десятилетия после его ухода, – сегодня это является приглашением к творчеству. Постановки последних пятнадцати лет убеждают в пластичности и многомерности художественного слова В. Шукшина, позволяющего разного рода эксперименты. Его проза оказалась театрогеничной, она вписана в самые актуальные режиссерские поиски и становится прекрасным материалом для сценического художественного высказывания. Диалог писателя с XXI веком напряженный: шукшинская проза и ее сценическое воплощение воспринимаются как аллегория нравственного состояния русского мира и мира вообще. Шукшинские герои продолжают разговор, уже без автора, уже в новой стране, в XXI веке, но о том, о чем не договорил писатель со своими современниками в 1970-е.

В докладе Н. Цветовой особое внимание уделялось шукшинским рассказам как жанру, в котором с наибольшей отчетливостью проявились феноменальные качества литературного наследия выдающегося художника. Прежде всего, говорилось об энергетическом рисунке созданных Шукшиным сюжетов, которые создавались в конфликте с сюжетными моделями классических рассказов, что позволяет современным исследователям относить писателя к постмодернистам. Но, с точки зрения докладчика, именно Шукшиным в жанре рассказа была предьявлена новая литература, сверхзадачей которой следует считать не модернизацию жанра, а восстановление энергии словесной формы с опорой на корневое русское слово.

В докладе М. Лопачевой **«Актуализация лексемы “ясный” в рассказах В. Шукшина»** доказывалось, что один из маркеров и катализаторов «плазменных» смысловых процессов в прозе В. Шукшина – многозначная лексема «ясный». Расширяя свое семантическое поле в зависимости от контекста, эта лексема, а также производные от нее «ясно» и «ясность» выполняют актуализирующую функцию в рассказах Шукшина, эксплицируют глубинные смыслы его произведений, указывают на результаты характерологических наблюдений, обозначают параметры аксиологических ориентиров в авторской картине мира.

В докладе А. Бурьловой **«Трансформация женских образов в жанре рождественского рассказа: от традиционалистской прозы к текстам XXI в.»** анализировался жанр рождественского рассказа в современной прозе, было показано, что он не теряет своей актуальности с момента появления и по настоящее время, однако сегодняшняя литература переосмысляет его каноны. В докладе рассматриваются изменения женских образов в жанре рождественского рассказа в свете гендерной проблематики.

В выступлении Н. Ковтун **«“Маленький человек” в прозе неотрадиционализма»** был представлен анализ поэтики Р. Сенчина, дан развернутый анализ романа «Дождь в Париже» в контексте течения *нового реализма*. Герой – *маленький человек*, оказавшийся под руинами прежнего мира, потерянный, тяжело пьющий. Его путь из Кызыла в Париж и обратно выстраивается по типу *Лабиринта*, схватка с Минотавром как Другим обещает новую жизненную перспективу. Вино выступает средством, открывающим особое состояние, когда человек находится вне пределов сущего, границы его памяти смещаются, позволяя переосмыслить жизнь в целом. В этом контексте образу героя контекстуально близки образы Венечки из поэмы «Москва – Петушки» и Петровича из романа В. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени». Фиаско персонажа Сенчина, не способного на поступок, уже не вызывает сочувствие автора, что отличало классическую

традицию, но есть отражение сегодняшнего времени, требующего героя-действителя, способного ответить на вызовы современности.

В докладе Е. Новиковой **«Образ русской деревни (на материале произведений Р. Сенчина 2009-2015-х гг.)»** анализировалась русская проза, посвященная теме сельской жизни. Деревня испокон веков является хранительницей народных традиций и обычаев. В середине прошлого столетия писатели «деревенской прозы» возвратили интерес к социально-бытовым сюжетам. В текстах 1950–1980-х годов запечатлена любовь к малой родине, тоска по утрачиваемым нравственным ценностям и упорядоченному патриархальному укладу. Писатели-традиционалисты описывали неразрывную связь между человеком и природой, наполняя произведения мифологическим содержанием.

Спустя почти полвека Роман Сенчин пишет романы «Елтышевы» (2009) и «Зона затопления» (2015), где изображает образ русской провинции глазами современного общества. В произведениях молодого писателя разрушен образ деревни как воплощения морального идеала. Вся обитаемая территория, расположенная за пределами городских поселений, представляет собой место скитаний, тяжелых дум и преступных помыслов. Деревня с массовой безработицей и всеобщим пьянством выступает катализатором духовно-нравственного упадка русского народа. Автор предрекает апокалиптический конец эпохе, забывшей заветы прошлого, вступившей на путь деградации и смерти.

В докладе М. Лариной **«Образ маленького человека в малой прозе Р. Сенчина 1990-х – начала 2000-х гг.»** рассматривались особенности трансформации классического типа *маленького человека* в малой прозе Р. Сенчина. На примере рассказов автора, опубликованных в конце 1990-х – начале 2000-х в журналах «Знамя», «Новый мир» и «Октябрь», анализировался «портрет переходного времени»: культурный и экономический сдвиги, поставившие под вопросы ценности прошлого; поиски нового места человека в изменившемся мире. В этом контексте образ создаваемого Р. Сенчиным *маленького человека* рассматривается как герой *трикстерской парадигмы*, обитающий в пространстве *порога*, в отмеченных маркерами инферальности топосах. Особое внимание уделяется исследованию *иллюзий* персонажей как стимулов их *поступков* (по М. Бахтину). На основе анализа поэтики рассказов типологизируются характерные для творчества Р. Сенчина типы *маленького* героя.

В докладе О. Богдановой **«ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗАЦИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА (Р. СЕНЧИН)»** рассматривается повесть Р. Сенчина «Минус» и предпринимается попытка выявить особенности и способы психологизации образа центрального героя. Показано, что гибридность жанровых черт автобиографической прозы Сенчина, реализованной в

тексте повести «Минус», накладывает отпечаток на особенности психологизма повествования и смоделированного в тексте образа его-героя. Своеобразие жанра современной квази-автобиографической наррации опосредует сгущенность психологического рисунка характера центрального персонажа Сенчина и процесса его внутреннего самоанализа.

Доклад Н. Вальянова **«ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ М. ТАРКОВСКОГО: ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ КОНТЕКСТ»** был посвящён анализу публицистики М.А. Тарковского в свете традиционалистской поэтики. Публицистика современного писателя занимает особое место в его литературном творчестве. Очерки мастера рассматривают как логическое продолжение ключевых художественных текстов (или как метатекст), формируют личностное представление о развитии современной культуры и традиции. В текстах затрагиваются актуальные вопросы современности, автор размышляет о месте и роли человека на земле, исконных ценностях русского общества.

В выступлении П. Зубковой **«Путь как структурообразующий мотив в романе Е. Водолазкина “Лавр”»** анализировался роман-житие «Лавр» Е. Водолазкина, мотив «путь» обосновывался как структурообразующий. Выбранное понятие анализировалось и как мотив с литературоведческой точки зрения, и как концепт через призму лингвистики. Акцентировалось внимание на авторской жанровой специфике произведения, так как в романе и житии «путь» представляет собой центральное событие, но раскрывается по-особенному. В докладе приводились доказательства того, что именно «путь» становится формирующим элементом в произведении.

В докладе Е. Лысюк **«Образ юродивого в творчестве Е. Водолазкина»** рассматривалась проблема мироощущения героя-юродивого, анализировалась рациональная составляющая поведения юрода. Имплицитный мотив поведенческой модели или паттернов предполагается исходя из положения о мнимости безумства юрода. Выдвигается тезис о том, что в основе бинарности *юродивый – общество* лежит противопоставление *страдание-несчастье*. Стрдание и несчастье кардинальным образом отличны; понятия выступают в роли антиподов друг для друга. Страдающий юродивый становится героем, целью которого является акт юродского странствия – установление контакта с максимальным количеством мирян для духовного наставления, прозрения. В докладе анализировались представленные автором образы юродивых и знаковые ситуации, связанные с их реализацией. Докладчик сделал вывод, что парадигматическая система черт юрода усложняется релятивностью *страдание-несчастье*. Целью странствия

юродивого становится акт коммуникативного наставления в переломный момент, актуализация человеческого сознания, попытка указать несчастному на его несчастье.